

МИХАИЛ КУЛИЖНИКОВ

ИННОЧКА

РАССКАЗ

Инночка жила на пособие по слабоумию, так сочувственно называли её пенсию соседи. Сама же Инночка, когда приходила почтальонша, приговаривала: вот и субсидия пришла, вот и хорошо, и с трудом расписывалась.

Инночку в подъезде любили. Она была благодушна. Встретив кого-то на лестничной площадке, обязательно приветливо здоровалась, слегка наклонив голову, чтоб лучше разглядеть, кто же перед ней. Левый глаз Инночки слегка косил.

Уже два года Инночка жила одна. Ей бывало скучно, даже тоскливо. Временами, откуда-то из самого потайного уголка души, вдруг поднималась удушливая волна, подкатывала к горлу, и из глаз Инночки катились крупные чистые слёзы. Тогда Инночка садилась на диван и начинала тихонько выть, раскачиваясь взад-вперёд. Постепенно этот тихий протяжный вой переходил в печальную песню.

— Степь да степь... — глотала слёзы Инночка, — кругом. Путь д-далё-ё-ёк... у-у-у... лежи-и-ит...

И, странное дело, от этой печальной песни на душе у неё становилось легче, теплее. Тогда Инночка вставала с дивана и принималась за уборку. Старенькой байковой рукавицей, надетой на руку, так делала её мама, Инночка вытирала пыль со стола и шкафов. Рукавицей было удобнее и ножки стульев протирать. Инночка обхватывала ножку стула и одним движением стирала пыль. “Вот и готово, вот видишь, как удобно!” — повторяла она слова матери...

КУЛИЖНИКОВ Михаил Анатольевич родился в Белгороде. Член Союза писателей России, автор трёх поэтических сборников и книги рассказов. Живёт в Белгороде

Мама умерла два года назад. Инночка почти забыла тот день. Помнила, что тогда утром соседка тётъ Варя разбудила её и шепотом сказала: “Пойди Нюру позови”.

Когда мама заболела, тётъ Варя часто ночевала у них. Вызывала врача, помогала готовить, прибираться, стирать. Вообще-то Инночка и сама всё это умела делать, конечно, не так, как мама или тётъ Варя, но у неё уже начинало хорошо получаться, но без помощи тётъ Вари, без её ласковых слов Инночке было бы совсем плохо. Мама тяжело болела и почти не разговаривала. Иногда на вопрос Инночки мама только кивала и начинала всхлипывать. Отчего Инночке становилась страшно, она выбегала на лестничную площадку, звонила тётъ Варе и бабе Нюре и, рыдая, звала их:

— Тётъ Варь, баба Нюра, пойдёмте, опять началось, пойдёмте!

Соседки проходили в комнату, подходили к маме Инночки, поправляли подушку, присаживались на край кровати.

— Ну, будет, будет, что ты, — успокаивала маму тётъ Варя.

— Да как же она без меня? — только и могла выговорить мама.

Баба Нюра отирала маме слёзы и, бодрясь, говорила:

— За нами не пропадёт, мы её в обиду не дадим, мы бабки боевые. Так ведь, Варь?

— А то как же! — отвечала тётъ Варя. — Мы сами кого хошь обидим.

Мама потихоньку успокаивалась, закрывала глаза и начинала дремать...

...Инночка встала и, накинув халат, пошла к бабе Нюре.

— Баба Нюр, вас тётъ Варя зовёт.

Баба Нюра почему-то взяла руку Инночки и поднесла к трясущимся губам.

— Что ж теперь будет, что будет-то? — бормотала она, и, поёжившись, подтолкнула Инночку к раскрытой двери. — Ты пойдешь, у меня посиди. Там Владик, внучок, побудь с ним.

Потом в квартиру заходили соседи, какие-то незнакомые люди, старушки. Инночка лишь раз зашла и увидела маму, одетую в чёрный шерстяной костюм, неподвижно лежащей на кровати. Инночка подошла к ней и поцеловала в холодный лоб.

— На прощанье, — прошептала она и бледная ушла к бабе Нюре.

Когда приехал священник, Инночка следом за ним прошла в свою квартиру и села на диван.

— Она слабоумная, — кивнула на Инночку тётъ Варя, — пусть посидит.

Священник начал читать, а Инночка тихонько завывала, раскачиваясь взад-вперёд...

Когда почтальонша приносила пенсию, или, как говорила Инночка, субсидию, наступал праздник. Инночка ехала в парк на прогулку. Она бродила меж деревьев, разглядывая траву, или сидела на скамейке, тайно наблюдая за молодыми парочками, потом шла в магазин, покупала бутылку дешёвого вина, буханку свежего хлеба, солёную кильку, а то и селёдку, карамелек и возвращалась домой совершенно счастливой. Наварив картошки в мундире, полив кильку постным маслом и обложив кружочками лука, Инночка налила себе стакан вина, закрывала бутылку пробкой и ставила её в холодильник. “Это на потом”, — говорила Инночка сама себе. Сев за стол, Инночка, сладко улыбаясь, подносила стакан к губам и, сказав, — ну, вздрогнули — залпом выпивала вино, потом жмурилась, коротко выдыхала и принималась чистить картошку, приговаривая — царская еда, ух, хороша.

От выпитого вина и от горячей картошки ей становилось хорошо, уютно. И тогда Инночка затягивала песню, вполголоса, чтоб никто не слышал:

— Степь да степь круго-о-м...

Выражения и “царская еда”, и “ну, вздрогнули”, и “на потом”, и песня достались ей “в наследство” от отца.

Папа умер пятнадцать лет назад, когда Инночке было уже шестнадцать. Он работал на заводе вместе с мамой. Мама была формовщицей, он токарем.

Заготовка вырвалась из станка и ударила папу прямо в грудь. Раны не было, просто сильный ушиб. Вот его и отправили своим ходом в поликлинику на осмотр, а по дороге он потерял сознание и упал. Люди думали — пьяный, стороной обходили, пока кто-то не догадался вызвать милицию, ведь мороз был тогда. Милиция приехала и, не долго думая, — в вытрезвитель. Там врач осмотрел и говорит — это не к нам, везите в больницу. В больнице папу лечили, но пока он на морозе на улице лежал — простыл. Так и умер от воспаления лёгких.

...Приятно захмелев, Инночка убирала со стола, мыла руки и шла в комнату.

— Ну-ка, ну-ка, посмотрим, что в мире делается, — брала она газету и садилась на диван.

Читала Инночка неважно, да и газета была старая, но всё же, послунявив пальцы, Инночка аккуратно переворачивала страницы, совершенно не вдаваясь в прочитанное. Это был ритуал, который возвращал её в счастливые мгновения, когда папа и мама были живы. Чтение скоро наскучивало, и Инночка начинала дремать.

Почти каждый раз ей виделся городской Дворец культуры. В фойе многолюдно — заводское профсоюзное собрание, с гордым видом разгуливает подтянутый русоволосый молодой мужчина в сером в лёгкую полоску костюме. Его синие глаза искрятся, он пытается быть серьёзным, но губы непослушно то и дело расплываются в улыбке. Ему сегодня, как лучшему рационализатору завода, вручают премию. Это Инночкин папа. Скромно одетая девушка в брючном костюме украдкой, с восхищением поглядывает на него. Звенит третий звонок, все устремляются в зал, в проходе мужчина и девушка встречаются взглядами, он пропускает её вперёд, они садятся рядом...

Эту историю Инночке не раз рассказывала мама.

Тряхнув головой, Инночка вставала и включала телевизор. Телевизор Инночка любила, хотя в последние годы передачи стали какими-то злыми, некрасивыми, но всё равно ей было интересно смотреть на осанистых мужчин и женщин, умно рассуждающих о судьбах страны и простого люда. Хотя многие слова были не очень-то понятны, Инночка чувствовала, что люди эти знают, что делают, уж очень они были уверены в себе, уж очень весомо они говорили. Но больше всего Инночка любила старинные фильмы, в которых показывали самую настоящую любовь. Когда особенно не спалось, она смотрела эротические программы. Обнажённые ухоженные красавицы вызывали в ней смешанные чувства: восхищение и брезгливость, зависть и что-то такое неизведанное, далёкое, смутно осознаваемое. Инночка подходила к зеркалу в прихожей, раздевшись донага, внимательно оглядывала себя и, смущённо прыснув, бежала в комнату, спешно надевала ночнушку, крестилась и укладывалась спать.

Уже не раз Инночка слышала и от тётъ Вари и от бабы Нюры, что ей нужно опекунство. “Ты пойми, — говорили они, — мы-то уже старые, за нами самими пригляд нужен, вдруг чего случится, как ты одна будешь? А кроме нас ты никому и не нужна. А сама ты не справишься, да и винцом себя портишь”. Инночка не любила эти разговоры. “Ни в какой инвалидный дом я не пойду, — отворачивалась она, — не буду в тюрьме жить. Я и сама себя обслуживать могу. А если что — перетерплю. Зато куда хочу, туда пошла, что хочу, то и ем”. — “Да зачем же инвалидный дом, — не унимались тётъ Варя и Баба Нюра, — пусть из соцзащиты кто-нибудь приходит. И за продуктами сходит, и по дому поможет, и просто так проведает, если заболешь, врача позовёт. Вон к Марии Васильевне ходит девушка, так та не нарадуется. Дети-то редко проведывают. А та ей и лекарств принесёт, и слово доброе скажет, и в магазин сбегает”.

Через некоторое время из собеса пришла женщина, побеспокоились тётъ Варя и баба Нюра, представилась:

— Фаина Андреевна.

— Инночка, — склонив голову, разглядывала её Инночка.

— А отчество?..

— Меня все Инночкой зовут, — насторожилась Инночка.

— Инночка значит Инночка, — заключила Фаина Андреевна. — Что ж, приглашайте в дом, Инночка, я теперь буду к вам приходить, помогать, если что-то нужно будет, приглядывать за вами. — Фаина Андреевна прошла в комнату. — Да-а, — протянула она, — у вас тут не хоромы, но всё же квартира есть квартира!

Фаина Андреевна присела на диван и внимательным опытным взглядом оценила обстановку.

— И давно вы, Инночка, одна тут живёте?

— А вот, как мама умерла, так и живу. А до этого, когда папа жив был, у нас двухкомнатная была. Правда, потом мы с мамой её продали и купили эту. Маму с работы уволили, вот и продали, а потом мама заболела и умерла, вот я тут и живу.

— Ну, что ж, Инночка, будем считать, что наше знакомство состоялось. Я буду к вам приходить раз в неделю, если что-то срочно будет нужно, звоните, — подала бумажку с номером телефона Фаина Андреевна.

Инночка неловко взяла листок.

— А у меня телефона нет, но я могу попросить тетя Варю, у них есть и у бабы Нюры есть.

Фаина Андреевна ушла, а Инночка, обняв подаренного Владиком зайца, залезла с ногами на диван и долго кусала губы.

Фаина Андреевна исправно приходила раз в неделю по понедельникам, участливо спрашивала, не нужно ли чего, и, немного посидев, уходила. Инночке эти визиты совершенно не нравились. Не нравилась ей и сама Фаина Андреевна, и то, как она по-хозяйски проходила в комнату, и её расспросы. Недели через три Фаина Андреевна завела-таки разговор, которого так боялась Инночка.

— Вы, милочка, крепко подумайте, прежде чем ответить, — начала Фаина Андреевна. — Я вам настоятельно советую переехать...

— Ни в какой инвалидский дом я не пойду! — перебила её Инночка.

— Помилуйте, зачем же какой-то инвалидский дом. Наша фирма предлагает вам пансионат. В очень уютном, я бы сказала, живописном месте, недалеко от города. У вас будет комната на двоих, хорошее питание, отдельное меню, если необходимо, медицинская помощь, организованный досуг. Райский уголок, можно сказать. Вы подумайте, не горячитесь.

— А мне и здесь хорошо, — не сдавалась Инночка. — И готовить я умею, всё что захочу, и гулять в парке, и с Владиком поиграть, правда, он уже большой, — задумалась Инночка.

— Да что ж вы можете приготовить на вашу пенсию или, как вы говорите, субсидию, и помочь вам некому, вы же сирота, нет у вас никого, — усмехнулась Фаина Андреевна.

— Да всё! — выпалила Инночка. — И картошку, и кильку, и суп с макаронами... А не будет хватать, я работать пойду. Вот!

Фаина Андреевна встала и прошлась по комнате.

— Вы, Инночка, заблуждаетесь на сей счёт. Я навела справки о вас. Вы никогда, нигде не работали, образование у вас неполных семь классов, да и то спецшколы, вам уже за тридцать. С работой сейчас очень сложно. Торговать на рынке вы не сможете да и любую другую работу вряд ли освоите. Разве что уборщицей. Но в приличное место вас не возьмут, а где попало и платят как попало. Ах! Что говорить, вы же не хотите быть уборщицей?

— Н-нет, — заёрзала Инночка, потом неуверенно добавила: — Но если надо, пойду.

— Да куда вас не возьмут, не надейтесь. А вот за квартиру у вас уже полгода не заплачено, — возвысила голос Фаина Андреевна. — А с вашей пенсией рассчитаться вам будет не под силу, ведь надо ещё и кушать что-то, а вы, я смотрю, и вином не прочь убажиться.

— А это уже не ваше дело, — обиделась Инночка.

— Ну, конечно, конечно, у нас свободная страна, и каждый волен распоряжаться своей судьбой, как знает, — отступила Фаина Андреевна. — Но

вы всё же поймите, я вам добра желаю. Вам ведь всё равно придётся... — Фаина Андреевна подбирала слова, — придётся... Закон, вот, скоро о жилье в силу вступит. Вас ведь выселят за неуплату. А я вам дело предлагаю. Будете жить, как у Христа за пазухой.

— А у меня денег нет платить за ваш пансионат, — Инночка была готова расплакаться.

— А от вас ничего и не требуется, достаточно вашей квартиры, — заволновалась Фаина Андреевна. — Мы и долги погасим, и бумаги необходимые оформим. Вы, Инночка, подумайте, не спешите... Вам некуда деваться, всё равно так будет.

Фаина Андреевна ушла, а Инночка, обняв своего зайца, заплакала.

— Сыночек ты мой хороший, — прижималась Инночка к зайцу, — ты один у меня и остался...

Инночка три дня не выходила из дома и засобиравшись в магазин. В дверь позвонили. Инночка испугалась и не хотела открывать. Звонили настойчиво.

— Не случилось ли чего? — услышала Инночка бабу Нюру.

Инночка открыла. Вошли баба Нюра и тётъ Варя.

— Что-то тебя не видно было, мы уж испугались, — затараторила тётъ Варя, — думаем, уж не случилось ли чего, может, заболела, или руки на...

— Варь, — оборвала её баба Нюра, — что ты болтаешь!

— Ой, заговорила, — осеклась тётъ Варя.

— Ну, рассказывай, как ты тут управляешься? — спросила баба Нюра. — Ходит к тебе из соцзащиты?

— Плохая она, — потупилась Инночка, — скажу, чтоб больше не приходила. И откуда она взялась?

— Так это мы звонили, хотели как лучше, — призналась тётъ Варя.

— А чем она тебе не нравится? — взглядывалась в Инночку баба Нюра. — Женщина грамотная, заботливая, обстоятельная.

— Она меня хочет в пансионат отправить, — шмыгнула носом Инночка.

— Так соглашайся, соглашайся, — замахали руками тётъ Варя и баба Нюра. — Она дело говорит. Что ты тут одна да одна. Вон и выпивать начала, долго ли, так можно и совсем пропасть.

Губы Инночки затряслись.

— Ну, ты... ты... — баба Нюра достала платок и промокнула наворачившиеся на глаза слёзы. — Мы ж как лучше... Мы ж добра... Тебе ж всё одно придётся... как же ты одна-то будешь?

— И ничего вы не понимаете, — разрыдалась Инночка. — Он обязательно приедет, вот увидите, вот увидите.

И, поверив в собственную мечту, Инночка побежала на остановку.

Каждый день вечером она выходит на остановку, взглядывается в подъезжающие автобусы и маршрутки и кого-то ждёт, ждёт, ждёт...